

Г. Челпанов

Философские исследования

Обозрение и прочее. Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Г11

Г11 **Г. Челпанов**
Философские исследования: Обзорение и прочее. Том 1 / Г. Челпанов – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 192 с.

ISBN 978-5-458-54326-2

Философские исследования содержат: учение Канта о вещи в себе; учение
о реальности по Шуберт-Зольдену; Авернаус и его школа.

ISBN 978-5-458-54326-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

отношеніе какимъ-то такимъ образомъ, что, въ то время какъ все прочее возникаетъ и переходитъ, она ничуть не увеличивается и не уменьшается и вообще не подвергается какому-либо воздѣйствію».

Я не имѣю возможности слѣдить за видоизмѣненіями, которымъ подвергалось ученіе Платона объ идеяхъ въ различныхъ его діалогахъ: укажу только вкратцѣ различныя точки зрѣнія, которыя были высказаны имъ по данному вопросу, и которыя многократно повторялись затѣмъ въ разнообразныхъ сочетаніяхъ и въ частности отразились въ ученіи Канта о вещи въ себѣ.

1) Предшественники Платона, софисты, настаивали на томъ, что о какомъ бы то ни было знаніи не должно быть и рѣчи, такъ какъ во всемъ существующемъ нѣтъ ничего устойчиваго: и познающій субъектъ, и познаваемый объектъ подвержены непрерывнымъ измѣненіямъ. Платонъ борется противъ этого скептицизма. Онъ ищетъ для познанія устойчивый объектъ, именно идеи, которыя, будучи понимаемы въ этомъ смыслѣ, всего болѣе подходятъ къ тому, что мы теперь называемъ логическими понятіями, но только обладаютъ реальнымъ существованіемъ, независимымъ отъ познающаго субъекта.

2) Идеи кореннымъ образомъ отличаются отъ всего, доступнаго нашимъ воспріятіямъ, и существуютъ совершенно независимо отъ видимаго міра, будучи чѣмъ-то абсолютно гетерогеннымъ по сравненію съ нимъ: тогда какъ въ чувственномъ мірѣ все измѣнчиво, идеи не могутъ претерпѣвать никакихъ измѣненій, оставаясь всегда тождественными сами съ собою: онѣ трансцендентны въ метафизическомъ значеніи этого слова.

3) Подъ идеями разумѣются преимущественно такія понятія, которыя дѣла приписать съ собою изъ потусторонняго міра: они врождены человѣку и не могутъ быть заимствованы изъ опыта, тѣмъ не менѣе безусловно необходимы при изученіи видимаго міра. Таковы понятія: прекраснаго, добраго, справедливаго, равнаго и т. п.¹⁾

4) Идеи лежатъ въ основѣ видимаго міра и какимъ-то образомъ опредѣляютъ все существующее въ немъ. Понимаемая такъ, онѣ всего ближе подходятъ къ тому, что мы теперь называемъ физическими законами; такъ же, какъ и законы природы, идеи вѣчны и неизмѣнны.

¹⁾ См. Phaedo, cap. 19, 20, pp. 64 A, 65 C.

5) Идеи—это первообразы, существующіе вѣчно, несовершеннымъ отображеніемъ которыхъ является нашъ преходящій чувственный міръ.

6) Идеи суть цѣли, къ осуществленію которыхъ стремится все въ видимомъ мірѣ и въ особенности человекъ, который сообразно съ этими вѣчными сущностями долженъ устривать свою разумную жизнь, освобождаясь по возможности отъ всякаго рода влеченій, опутывающихъ его въ этомъ чувственномъ мірѣ. (На необходимости такого оцпщенія и вмѣстѣ съ тѣмъ освобожденія, которое можетъ происходить лишь весьма медленно, Платонъ настаиваетъ въ различныхъ мѣстахъ діалога Федронъ, также въ седьмой книгѣ Государства).

На сущность видимаго міра у Платона можно отмѣтить двѣ основныя точки зрѣнія.

а) Міръ, доступный нашему воспріятію, представляется философу чѣмъ-то совершенно призрачнымъ,—обманомъ чувствъ, который постоянно вводитъ насъ въ заблужденіе. Если зрѣніе и слухъ, которые кажутся Платону болѣе всего надежными, непрестанно насъ обманываютъ, то о другихъ ощущеніяхъ и говорить нечего³⁾.

б) Видимый міръ представляется философу какъ нѣчто, правда, непрерывно измѣняющееся; но все же существующее независимо отъ субъекта. Чувственному міру слѣдуетъ приписать, какъ иногда выражаются, *эмпирическую* реальность въ противоположность вѣчно сущимъ идеямъ, которыя обладаютъ реальностью *метафизической*. Они есть отраженіе тѣхъ же идей въ чемъ-то совершенно неизвѣстномъ, которое выступаетъ у Платона подъ различными наименованіями: *не существующее, пространство, мать происхожденія, кормилица* и т. п. (Μή ὄν, χώρα, μήτηρ τῆς γενέσεως, τιθήνη).

Въ древности вообще мало интересовались фактами, добытыми при помощи точныхъ наблюденій, и Платонъ въ этомъ случаѣ вовсе не составлялъ какого-либо исключенія; но отождествленіе эмпирической дѣйствительности съ простыми обманами чувствъ, допущенное Парменидомъ и въ особенности Платономъ, продолжало оказывать неблагоприятное вліяніе и въ новой философіи, когда важное значеніе данныхъ опыта было уже признано даже горячими сторонниками раціонализма. Ниже мы увидимъ, что и у Канта границы между явленіями.

³⁾ Phaedo, cap. 10.

съ которыми исключительно имѣть дѣло опытъ, и простою видимостью не всегда установлены съ полной опредѣленностью ¹⁾).

3. Я не буду останавливаться на другихъ мыслителяхъ древности, такъ какъ вліяніе ихъ на ученіе Канта о вещи въ себѣ не можетъ быть легко обнаружено, но перейду сразу къ ближайшимъ предшественникамъ изучаемаго нами мыслителя и прежде всего къ Декарту.

Декартъ оказалъ важную услугу философінъ тѣмъ, что первый въ новое время загнулъ вопросы теоріи познанія, которые затѣмъ играли весьма выдающуюся роль въ системахъ послѣдующихъ мыслителей. Свои Размышленія о первой философіи Декартъ начинаетъ самымъ радикальнымъ сомнѣніемъ: онъ не хочетъ довѣрять даже тому, что нашимъ представленіямъ о вѣннемъ мірѣ дѣйствительно соответствуетъ нѣчто абсолютное существующее. «Стану я думать», говоритъ философъ, «что небо, воздухъ, земля, цвѣта, фигуры, звуки и вообще все вѣннее не выражаютъ ничего болѣе, какъ только игру сновидній» ²⁾). Указанное сомнѣніе, правда, образуетъ лишь начало декартовской философіи: противники этого мыслителя остроумно замѣчали, что онъ началъ съ сомнѣнія во всемъ, а закончилъ вѣрой во все. Во всякомъ случаѣ въ концѣ Размышленій вѣнній міръ былъ восстановленъ въ своихъ правахъ, однако не на основаніи *вѣры* въ правдивость нашихъ представленій, но съ помощью длинной цѣпи доказательствъ. Декартъ приводитъ соображенія, обосновывающія необходимость признать существованіе вѣннago міра, которыя заканчиваетъ словами: «Слѣдовательно, тѣлесныя вещи существуютъ» ³⁾). Аргументація въ общемъ отличается большой запутанностью и вся поконится на двухъ весьма важныхъ предпосылкахъ: 1) на убѣжденіи въ правдивости Бога ⁴⁾, и 2) на заключеніи отъ дѣйствія къ причинѣ, т. е. отъ онцущеній къ предметамъ, возбуждающимъ эти онцущенія. Существованіе тѣль, такимъ образомъ, не является, по мнѣнію Декарта, непосредственно достовѣрнымъ: необходимымъ цѣлый рядъ посредствующихъ доказательствъ, чтобы обосновать наше убѣжденіе въ реальномъ существованіи находящагося въ пространствѣ вѣннago міра, т. е. убѣжденіе въ томъ, что нѣчто, существуя независимо отъ нашихъ представленій, все-таки, по крайней мѣрѣ болѣею частью, находится съ

¹⁾ Ср. ниже гл. III, § 5.

²⁾ Размышл. первое, въ концѣ.

³⁾ Размышл. шестое, въ началѣ.

⁴⁾ Размышл. четвертое.

нимъ въ соотвѣтствіи¹⁾. Доказательства Декарта, разумѣется, въ общемъ мало убѣдительны. Самый вопросъ не былъ поставленъ съ желательной принципиальной послѣдовательностью. Для Декарта, какъ и для многихъ послѣдующихъ мыслителей, оставалось далеко не выясненнымъ, куда слѣдуетъ причислить представленія другихъ разумныхъ существъ и даже свои собственные, относящіяся къ прошедшему или будущему времени: къ вѣнному ли міру—а значить и на нихъ распространить свое сомнѣніе,—или же къ міру внутреннему. Тѣмъ не менѣе заслуги его для теоріи познанія очень велики. Декартъ возобновилъ между прочимъ ученіе Демокрита о томъ, что лишь такъ называемыя первичныя качества тѣлъ могутъ быть признаны объективными, вторичныя же—только субъективными; по свою славу въ этомъ случаѣ онъ долженъ раздѣлить съ Гоббесомъ, Кенлеромъ и Галилеемъ: между тѣмъ какъ именно онъ первый, по крайней мѣрѣ въ исторіи новой философіи, обратилъ вниманіе мыслителей на вопросъ о томъ, какимъ образомъ независимо отъ насъ существующая дѣйствительность становится объектомъ познанія при помощи нашихъ представленій. Пытаясь самъ разрѣшить эту трудную проблему, онъ высказалъ соображенія, подвергающія сомнѣнію реальность пространства: и съ тѣхъ поръ идеализмъ, подъ которымъ обыкновенно разумѣли ученіе, отвергающее эту реальность, постоянно началъ затрогиваться въ сочиненіяхъ, посвященныхъ философскимъ вопросамъ, въ силу чего Кантъ имѣлъ основаніе считать Декарта однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей идеализма; желая точнѣе выразить сущность этого идеализма, Кантъ называетъ его *эмпирическимъ, скептическимъ*²⁾, или, наконецъ, во второмъ изданіи Критики чистаго разума³⁾ *проблематическимъ*⁴⁾.

Какъ метафизикъ, Декартъ придерживался дуалистической точки зрѣнія, признавая существованіе двухъ совершенно разнородныхъ субстанцій: духовной и матеріальной. Взглядъ этотъ довольно близко подходитъ къ обычному мнѣнію и вообще не заключаетъ въ себѣ чего-либо оригинальнаго; поэтому останавливаться на немъ мы не будемъ.

¹⁾ Размышл. шестое.

²⁾ Пролег. стр. 58 и 183.

³⁾ Кр. В. 274; Вл. 204.

⁴⁾ Къ этому вопросу мы еще возвратимся. (См. ниже гл. 3-я, § 4 и гл. 4-я, § 4.

Развивая дальше мысль Декарта о самостоятельности двух субстанцій, Мальбраншъ настаивалъ на невозможности допустить взаимодѣйствіе между ними. Отсюда онъ выводилъ, что реальность тѣлеснаго міра вовсе не можетъ быть доказана, такъ какъ въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ права пользоваться заключеніемъ отъ дѣйствія къ причинѣ, а должна быть принята на вѣру, понимаемую исключительно въ религіозномъ смыслѣ: вѣдь безъ подобнаго признанія нельзя сохранить неприкосновеннымъ догмата пресуществленія.

Англичанинъ Колъеръ пошелъ еще дальше: придерживаясь въ сущности тѣхъ же воззрѣній, какія были высказаны Мальбраншемъ, онъ вовсе отвергаетъ реальность внѣшняго міра, считая этотъ послѣдній совершенно излишнимъ удвоеніемъ нашихъ представленій¹⁾.

4. Кантъ много занимался естествознаніемъ, хорошо былъ знакомъ съ англійской натурфилософіей, изучалъ самого Локка, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что у него нѣрѣдко можно встрѣтить мысли, сходныя съ воззрѣніями только что названнаго философа, который является наиболѣе всестороннимъ выразителемъ англійскаго эмпиризма. Заслуживаетъ вниманія и тотъ фактъ, что у Локка встрѣчаются такіе выраженія, какъ: *золото само по себѣ*²⁾, *человѣкъ самъ въ себѣ*³⁾, которымъ суждено было играть въ кантовской философіи такую выдающуюся роль.

Какъ эмпирикъ, ученикъ Бекона и Гоббеса, Локкъ нѣрѣдко высказываетъ мысль, что для насъ имѣютъ значеніе лишь тѣ свойства предметовъ, которые могутъ быть представляемы нами. Такъ въ третьей книгѣ⁴⁾ своего основнаго сочиненія философъ заявляетъ: «Если, напримѣръ, я толкую о человѣкѣ и въ то же время устранию обычное значеніе имени *человѣкъ*, т. е. сложную идею⁵⁾, обыкновенно связанную

¹⁾ См. Vaibinger. Zu Kants Widerlegung des Idealismus.

²⁾ Локкъ. Опытъ о человѣческомъ разумѣ, кн. 2, гл. 23, §. 37.

³⁾ Тамъ же, 3, 6, 43.

⁴⁾ Гл. 6, § 43.

⁵⁾ Подъ *идеями* у Локка, какъ и вообще у англійскихъ мыслителей, разумѣются представленія въ самомъ широкомъ значеніи этого слова: все равно, будутъ ли то общія представленія, называемыя также понятіями, или единичныя; имѣютъ ли они своимъ объектомъ внѣшнюю природу или внутреннюю. При изложеніи воззрѣній Локка и Беркли я счелъ болѣе удобнымъ сохранить за терминомъ *идея* именно указанный мною смыслъ, хотя обыкновенно терминъ этотъ употребляется въ нѣсколько иномъ значеніи.

съ нимъ, и требую отъ читателя, чтобы онъ разсматривать человѣка въ самомъ себѣ, какъ онъ реально отличается отъ другихъ вещей своимъ внутреннимъ строеніемъ или реальной сущностью, т. е. неизвѣстно чѣмъ,—это похоже на шутку». Тѣмъ не менѣе Локкъ всегда держится того мнѣнія, что у насъ есть во всякомъ случаѣ потребность относить комплексы своихъ ощущеній къ чему-то реально существующему, предполагать для нихъ особаго носителя, т. е. субстанцію. «Всѣ наши идеи различнаго рода субстанцій суть не что иное, какъ собраніе простыхъ идей вмѣстѣ съ предположеніемъ чего-то, чему онѣ принадлежатъ и въ чемъ существуютъ, хотя мы не имѣемъ никакой ясной и раздѣльной идеи этого предполагаемаго нѣчто»¹⁾. По вопросу о томъ, въ чемъ же заключается сущность субстанціи и въ какой мѣрѣ она познаваема, у Локка можно встрѣтить различныя точки зрѣнія. Прежде всего, желая оставаться на почвѣ опыта, Локкъ иногда весьма скептически относится ко всякой попыткѣ выйти за границы переживаемыхъ нами ощущеній, рѣшительно настаивая на томъ, что «простыя идеи, получаемыя нами отъ ощущенія и рефлексіи, суть границы нашего мышленія, дальнѣе которыхъ, не смотря ни на какія усилія, душа не можетъ подвинуться ни на пядь, не будучи въ состояніи сдѣлать никакихъ открытій также и тогда, когда она стремится проникнуть въ природу и скрытыя причины этихъ идей»²⁾. «Что касается реальной сущности субстанцій», говорится въ другомъ мѣстѣ³⁾, «то мы только предполагаемъ ихъ бытіе, не зная въ точности, что онѣ такое»⁴⁾. Впрочемъ, гораздо чаще Локкъ, очевидно, самъ того не замѣчая, оставляетъ точку зрѣнія, проникнутую полнымъ скептицизмомъ, и признаетъ, по крайней мѣрѣ, что реально существующія субстанціи являются причиной или основой нашихъ ощущеній. «Каждая существующая субстанція», говоритъ онъ⁵⁾, «имѣетъ свое особенное строеніе, отъ котораго зависятъ замѣчаемыя въ ней качества и силы»⁶⁾.

Локкъ вовсе не удовлетворяется признаніемъ субстанцій причинами нашихъ ощущеній и стремится, по крайней мѣрѣ при помощи

¹⁾ Тамъ же, 2, 23, 37.

²⁾ Тамъ же, 2, 23, 29.

³⁾ Тамъ же, 3, 6, 6.

⁴⁾ Ср. тамъ же, 2, 31, 1.

⁵⁾ Тамъ же, 3, 6, 13.

⁶⁾ Ср. въ той же главѣ §§ 6 и 21.

отрицательных суждений, проникнуть въ природу и сущность этихъ скрытыхъ причинъ. Несмотря на опредѣленно выраженную невозможность подвигнуться хотя бы на одну нядь за границы нашихъ ощущеній и рефлексій, философъ тѣмъ не менѣе считаетъ себя въ правѣ утверждать, что реально существующія субстанции во многомъ кореннымъ образомъ отличаются отъ нашихъ представленій о нихъ и что такъ называемыя вторичныя качества предметовъ имѣютъ мѣсто только въ познающемъ субъектѣ, вовсе не принадлежа предметамъ самимъ по себѣ: «Напр., большинство идей, входящихъ въ нашу сложную идею золота.—желтизна, большой вѣсъ, ковкость, плавкость и растворимость въ aqua regia, ...соединяются въ неизвѣстномъ субстратѣ. Но *всѣ эти идеи — не что иное, какъ простое отношеніе къ другимъ субстанціямъ, и не накладываются реально въ золото, если постольнее разсматривать само по себѣ*, хотя зависятъ отъ тѣхъ первичныхъ и реальныхъ качествъ его внутренняго строенія, посредствомъ которыхъ оно можетъ различнымъ образомъ воздѣйствовать и испытывать воздѣйствіе со стороны различныхъ другихъ субстанцій»¹⁾. «Если бы не было подлежащихъ органовъ», читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ²⁾, «для воспріятія впечатлѣній, которыя огонь производитъ на зрѣніе и осязаніе, и если бы съ этими органами не была соединена душа для воспріятія идей свѣта и тепла вслѣдствіе впечатлѣній отъ огня или солнца, то свѣта и тепла было бы не больше, чѣмъ страданій въ томъ случаѣ, когда бы не было способнаго чувствовать страданіе существа, хотя бы солнце продолжало существовать точно такъ же, какъ и теперь, а гора Этна воздымала свое пламя выше, чѣмъ когда-либо прежде».

Докъ идти еще далѣе: онъ думаетъ, что наши представленія могутъ быть хотя и не очень точными, но все же копіями дѣйствительно существующихъ предметовъ³⁾. Въ особенности съ значительной степенью вѣроятности можно утверждать, что такъ называемыя первичныя качества тѣлъ, какъ то: протяженность, непроницаемость, плотность, подвижность и т. п. обладаютъ независимымъ отъ субъекта существованіемъ. Указавъ въ приведенномъ мною выше отрывкѣ на то, что свѣта и тепла вовсе не существовало бы, если бы не было

субъекта, приспособеннаго для ихъ воспріятія, философъ продолжаетъ: «плотность, протяженность и предѣлы ея, фигуры вмѣстѣ съ движеніемъ и покоемъ, идеи чего есть у насъ, реально существовали бы въ мірѣ, какъ они есть, все равно, оставался бы въ немъ существа, способныя воспринимать эти качества, или нѣтъ». Мало того,—очевидно, въ противоположность Мальбраншу,—Локкъ готовъ настаивать на томъ, что реальность пространства даже можетъ быть *доказана* при помощи *заключенія* отъ дѣйствія къ причинѣ. Правда, философъ сознается, что въ этомъ случаѣ утвержденія не обладаютъ той достовѣрностью, какою отличается знаніе интуитивное, касающееся исключительно нашихъ представленій, и знаніе демонстративное, основанное на строго дедуктивномъ доказательствѣ ¹⁾. Иногда же Локкъ признаетъ реальность пространства лишь весьма вѣроятнымъ предположеніемъ ²⁾.

Наконецъ, философъ, не допускающій никакого познанія, кромѣ происходящаго изъ ощущеній, считаетъ возможнымъ *доказать* бытіе Бога, какъ существа всесовершеннѣйшаго и посвящаетъ этому вопросу цѣлую главу въ своемъ сочиненіи ³⁾. Въ ученіи о реальности пространства и о бытіи Бога Локкъ, видимо, находится подъ сильнымъ вліяніемъ Декарта, отъ котораго онъ вообще многое заимствовалъ, хотя и рѣшительно расходился съ нимъ по вопросу объ основномъ источникѣ нашего познанія.

Что касается идей нравственныхъ и математическихъ, то, по мнѣнію Локка, онѣ не заимствуются изъ опыта и вовсе не являются копіями реально существующей дѣйствительности, а служатъ лишь первообразами, создаваемыми душею «для размѣщенія и наименованія вещей» ⁴⁾.

Въ ученіи Локка о субстанціи, лежащей въ основѣ внутреннихъ ощущеній, повторяются почти тѣ же возрѣнія, съ которыми мы имѣли случай выше познакомиться: и здѣсь высказывается мнѣніе, что опытъ относительно внутренняго міра (души) не представляетъ ручательства въ томъ, что въ немъ дается вѣрное отраженіе этого внутренняго міра, потому что Локкъ считаетъ указанный опытъ результатомъ воздѣйствія души на себя самое. «Идеи человеческой души», говоритъ философъ ⁵⁾, «относимыя къ реальнымъ сущностямъ, какъ къ неизвѣстнымъ первообра-

¹⁾ Тамъ же, 4, 11, 3. и 4, 3, 21.

²⁾ Тамъ же, 4, 2, 14.

³⁾ Тамъ же, 4, гл. 10.

⁴⁾ Тамъ же, 2, 31, 3.

⁵⁾ Тамъ же, 2, 31, 6.

замъ, такъ должны быть далеки отъ адекватности, что вовсе не могутъ считаться представленіями этихъ сущностей». Однако, на ряду съ подобнымъ взглядомъ мы встрѣчаемъ также и другое мнѣніе, именно, — что рефлексія въ самомъ дѣлѣ даетъ истинное отображеніе души. При чемъ слѣдуетъ замѣтить, что къ этимъ двумъ взглядамъ Локкъ относится здѣсь совсѣмъ иначе, чѣмъ въ ученіи о субстанціи, лежащей въ основѣ вѣшняго міра: онъ предпочитаетъ то мнѣніе, что рефлексія въ самомъ дѣлѣ даетъ истинное отображеніе дѣйствительно внутренняго міра. Въ этомъ случаѣ, нужно думать, также сказалось вліяніе картезіанской философіи, признававшей полную достовѣрность лишь за внутреннимъ опытомъ¹⁾.

Въ заключеніе постараюсь вкратцѣ формулировать основныя воззрѣнія Локка на сущность субстанціи и ея познаваемость, расположивъ ихъ по возможности въ такомъ порядкѣ, чтобы сдѣлать болѣе удобнымъ сопоставленіе ихъ съ воззрѣніемъ Канта, съ которыми намъ предстоитъ познакомиться.

1) Субстанція абсолютно *не познаваема*.

2) Вторичныя качества, приписываемыя тѣламъ, находятся только въ *сознаніи* воспринимающаго эти качества субъекта.

3) Идеи нравственныя и математическія не являются коней реально существующей дѣйствительности, но создаются душой «для размышленія и помпнованія вещей».

4) Мы имѣемъ дѣло лишь съ тѣми свойствами предметовъ, которыя доступны нашимъ ощущеніямъ; толковать же о вещи самой въ себѣ «похоже на шутку».

5) Первичныя качества присущи самимъ тѣламъ, а различное ихъ соотношеніе является причиной нашихъ ощущеній.

6) Бытіе Бога, какъ существа всеовершенствоѣйшаго, можетъ быть *доказано*.

Въ ученіи Локка о духовной субстанціи повторяются приблизительно тѣ же взгляды, только скептическая точка зрѣнія отступаетъ нѣсколько на задній планъ.

5. Кольеръ отвергнулъ реальность пространства, основываясь на мысляхъ, высказанныхъ Мальбраншемъ; къ тому же самому воззрѣнію приходитъ и Беркли (1685—1753), примыкая къ ученію Локка. Раз-

¹⁾ Ср. Ремке, стр. 175.

личеніе первичныхъ и вторичныхъ качествъ, на которомъ настаиваетъ Локкъ, Беркли признаетъ совершенно призрачнымъ. Что имѣетъ значеніе по отношенію къ цвѣтамъ, звукамъ, вкусовымъ ощущеніямъ и т. п., то въ такой же мѣрѣ примѣнимо и къ ощущеніямъ непроницаемости и протяженности: если первые суть только представленія въ ощущающемъ субъектѣ, то и о вторыхъ нельзя высказать ничего болѣе. Тѣ и другія находятся лишь въ восприммающемъ духѣ и внѣ насъ вовсе не существуютъ. Поэтому нѣтъ никакой надобности признавать особую *субстанцію*, которая, по мнѣнію Локка, должна была заключать въ себѣ первичныя качества: такъ какъ эти свойства находятся въ насъ самихъ, то и носитель для нихъ становится излишнимъ. Равнымъ образомъ и другія затрудненія разрѣшаются сравнительно легко, если принять, что такъ называемыя *вещи* представляютъ не что иное, какъ постоянныя *комплексы* ощущеній или воспріятій опредѣленнаго качества. *Существовать*—для вѣщныхъ вещей значить только *быть воспринимаемымъ*. Матеріалисты, слѣдовательно, находятся въ полномъ заблужденіи, приписывая абсолютную реальность только матеріи: наоборотъ, существуютъ помимо Бога лишь духи и ихъ идеи, сообщаемыя намъ самимъ Богомъ.

Сомнѣнія Беркли относительно реальности вѣшняго міра Юмъ распространилъ и на духовную субстанцію, признавая несомнѣннымъ лишь существованіе потока непрерывно сменяющихся, разнообразныхъ представленій. Къ сожалѣнію, взгляды эти были помѣщены въ сочиненіи (именно въ Трактатѣ о человѣческой природѣ), не получившемъ широкой извѣстности, и, очевидно, не были приняты во вниманіе Кантомъ, для котораго размышленія по поводу сомнѣній Юма относительно закона причинности, именно, относительно ея безусловной всеобщности и необходимости, оказались, какъ извѣстно, столь плодотворнымъ ¹⁾.

6. Кантъ жилъ и воспитывался въ то время, когда въ Германіи господствовала лейбницевская философія, и потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ глубоко былъ проникнутъ ею, и, хотя часто въ своихъ сочиненіяхъ боролся противъ нѣкоторыхъ воззрѣній, выраженныхъ въ этой философіи, въ особенности же противъ того ея попи-

¹⁾ Относительно Беркли см. статью Vaihinger'a стр. 101 и 110, также Комментар. II. 494—505.